

Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии

Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье предлагается новый – темпоральный – подход к проблеме устойчивости ядерной анархии. В существующей литературе есть две противоположные точки зрения на данную проблему: сторонники тезиса о неустойчивости ядерной анархии полагают, что она неизбежно либо приведёт к катастрофической ядерной войне, либо трансформируется в иерархическое мироустройство, тогда как их оппоненты оспаривают как неизбежность ядерной войны в системе суверенных государств, так и катастрофичность такой войны. Однако в текущем виде этот спор упускает из виду, что и технологии, и социальные структуры всегда встроены в определённые культурно-мировоззренческие рамки и опосредованы ими. В частности, и ядерное оружие, и межгосударственная анархия встроены в соответствующие им темпоральности.

Принимая во внимание этот факт, мы выявляем и сопоставляем представления о времени, с которыми взаимосвязаны ядерное оружие и международная анархия. Показывается, что ядерная анархия характеризуется темпоральным противоречием между двумя её составляющими: существование ядерного оружия подразумевает потенциальную конечность времени человечества, а система суверенных государств сущностно связана с бесконечной темпоральностью. Из концепции темпорального противоречия далее выводятся теоретические следствия: 1) осознание конечности времени должно подрывать легитимность анархического мироустройства и стимулировать ограничение государственного суверенитета; 2) в условиях межгосударственной анархии должна происходить «этернализация» ядерного оружия – его переосмысление как совместимого с бесконечностью времени человечества. Ряд известных сюжетов из истории международной ядерной политики – ранние инициативы международного контроля над ядерной энергией, попытки выработать стратегии военного применения ядерного оружия, программа СОИ, эволюция антиядерного движения – интерпретируются нами в статье как эмпирические примеры указанных теоретических следствий.

Таким образом, концепция темпорального противоречия предоставляет дополнительный аргумент в пользу тезиса о долгосрочной неустойчивости ядерной анархии – поскольку распространение конечной темпоральности ведёт к выстраиванию международной иерархии, а сохранение бесконечной темпоральности, преумножая масштаб ядерной угрозы, делает ядерную войну более мыслимой и вероятной.

Ключевые слова: темпоральность, ядерное оружие, международная анархия, суверенное государство, ядерная война, глобальные угрозы, темпоральное противоречие

УДК 327, 321.8

Поступила в редакцию: 25.07.2022 г.

Принята к публикации: 10.11.2022 г.

Сомнения в устойчивости мира, в котором сосуществуют международная анархия и ядерное оружие, возникли почти сразу же после создания последнего. Широко известная фраза Эйнштейна о четвёртой мировой войне, которая будет вестись «палками и камнями»¹, уже прозрачно указывала на угрозу: новая война станет глобальной катастрофой, а примеров долговременного мира в системе суверенных государств в истории не обнаруживалось. В манифесте Рассела–Эйнштейна, опубликованном шестью годами позже, проблема формулировалась напрямую: «...вопрос, который мы ставим перед вами, – вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род, или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну. Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости»².

Вместе с тем человечество живет в условиях ядерной анархии уже более 75 лет, и, хотя несколько раз подходило к бездне на расстоянии последнего шага, всё же пока этот шаг не сделало. Нельзя и сказать, что угроза всё это время беспрерывно нарастала – динамика уровня риска напоминает скорее синусоиду, с циклическим чередованием периодов нарастания и снижения риска³. Тезис о том, что «в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана» был официально провозглашён – и недавно вновь подтверждён – лидерами двух крупнейших ядерных держав⁴. Означает ли это, что наиболее мрач-

¹ Это высказывание атрибутируют интервью Эйнштейна, вышедшему в 1949 г., то есть, через четыре года после первого в истории человечества ядерного испытания. См.: Einstein A., Calaprice E. 2011. *The Ultimate Quotable Einstein*. Princeton: Princeton University Press. P. 280.

² Манифест Рассела–Эйнштейна. 1955 г. *Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения 25.11.2022).

³ Как высшие точки этих циклических колебаний можно рассматривать, например, Карибский кризис 1962 года, учения «Опытный лучник» 1983 года и украинский кризис 2022 года. Речь не идёт о том, что во всех трёх перечисленных случаях риск применения ядерного оружия был одинаково высоким. В 1962 и 1983 гг. принимались реальные технические меры по подготовке к возможному использованию ядерного оружия – ядерные силы переводились в режим повышенной боеготовности (см. например: Даунинг 2020: 198, 226). Во время Карибского кризиса Джон Кеннеди оценивал вероятность ядерной войны в диапазоне 33-50% (См.: Nye J.S. Is nuclear war inevitable? *The Strategist – ASPI Blog* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/is-nuclear-war-inevitable/> (accessed 26.11.2022)). В 2022 г. сопоставимых шагов не наблюдалось. Сценарии ядерной эскалации Украинского конфликта были и остаются маловероятными, однако они стали наиболее реалистичными, как минимум, за последние 30 лет. Для нашей аргументации значимо именно это повышение в 2022 г. ядерного риска по сравнению с предшествующим периодом. (См.: Стефанович Д.В. Специальные боевые части и специальная военная операция. *Российский совет по международным делам* [Электронный ресурс]. 28.06.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spetsialnye-boevye-chasti-i-spetsialnaya-voennaya-operatsiya/> (дата обращения 26.11.2022); Тренин Д.В. На пути к последней черте. *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. 12.10.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5608400> (дата обращения 26.11.2022); Ядерный фактор в Украинском конфликте. *Аналитический доклад ИМЭМО РАН* [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/analiticheskij-doklad-imemo-ran-yaderniy-faktor-v-ukrainskom-konflikte> (дата обращения 26.11.2022)).

Если в качестве оценки вероятности ядерной войны использовать показания «Часов Судного дня», то даты пикового риска окажутся другими – 1953–59, 1984–87, 2020 – н.в. – но общая динамика также будет циклической, см.: The Doomsday Clock Timeline. *Bulletin of the Atomic Scientists* [Электронный ресурс]. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/timeline/> (дата обращения 26.11.2022).

⁴ Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. November 21, 1985. *The American Presidency Project* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-soviet-united-states-statement>

ные предсказания оказались неоправданными, и государства научились жить с ядерной бомбой? Или же периодически случающиеся кризисы свидетельствуют о сохраняющемся неприемлемом риске, и в долгосрочной перспективе выбор всё равно стоит между коллективным самоубийством человечества и движением к наднационализации международной политики?

Существующие подходы к проблеме устойчивости ядерной анархии обычно напрямую анализируют отношение между ядерным оружием (технологией) и международной анархией (социальной структурой). Тем самым упускается из виду, что в человеческих обществах и технологии, и социальные структуры и – что особенно важно – взаимодействия между ними встроены в общие культурно-мировоззренческие рамки и этими рамками опосредуются. В контексте же ядерного оружия из всего культурного измерения реальности особый интерес представляет *темпоральность* – представления о природе времени и направлении его течения (Allan 2018: 11). Ряд работ уже обращали внимание, что возникновение ядерного оружия требует переосмысления наших представлений о времени (Mandelbaum 1981: 228-229; Burke 2016; Hamilton 2018), однако проблема устойчивости ядерной анархии в них прямо не ставилась.

Развивая данное направление исследований, мы предлагаем темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии. В рамках данного подхода исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: *совместимы ли представления о времени, необходимые для предотвращения ядерной катастрофы (полномасштабной ядерной войны), с сохранением анархической системы суверенных государств?*

Наша гипотеза заключается в том, что не совместимы: международная анархия существует в бесконечной темпоральности, тогда как избегание ядерной войны требует осознания потенциальной конечности времени человечества, а конечная темпоральность, в свою очередь, создаёт объективные стимулы для перехода к иерархической, наднациональной политической системе мира. Мы полагаем, что данное *темпоральное противоречие* является важным дополнительным аргументом в пользу тезиса о долгосрочной неустойчивости ядерной анархии.

Статья состоит из пяти разделов. Следующий раздел посвящён краткому обзору существующих подходов к проблеме устойчивости ядерной анархии. В третьем разделе подробнее раскрывается темпоральный подход: выявляются и сопоставляются представления о природе времени, связанные с ядерным оружием, с одной стороны, и с международной анархией, с другой. В четвёртом разделе теоретические ожидания, вытекающие из темпорального подхода, проверяются на предмет соответствия исторической картине развития международных отношений в области ядерного оружия. Наконец, в пятом разделе полученные результаты обсуждаются в контексте существующих подходов.

the-summit-meeting-geneva (accessed 25.11.2022); Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности, 16 июня 2021 года. *Президент России: официальный сайт* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5658> (дата обращения 25.11.2022).

Устойчивость ядерной анархии: за и против

Для начала следует уточнить используемую терминологию. Что имеется в виду под «ядерной анархией»? Характеристика «ядерная» отсылает не обязательно к фактическому существованию ядерного оружия, но также к наличию необходимых знаний и технической возможности для его создания в реалистичной временной перспективе. Иначе говоря, после гипотетического ядерного разоружения мир не перестал бы быть «ядерным» в используемом нами смысле этого слова. В свою очередь, «анархия» понимается стандартно как антоним иерархии, то есть, как такая социально-политическая организация, в которой над множеством автономных субъектов отсутствует верховная власть (Waltz 1979: 88–93). Причём речь идёт, конечно, об анархии межгосударственной, в связи с чем по ходу статьи понятия «анархия» и «система суверенных государств» используются как взаимозаменяемые. Соответственно, под иерархией в статье подразумевается именно возникновение над государствами высшей – наднациональной – власти, а не простое деление государств на страны от «великих» до «малых» держав⁵.

Далее, под «устойчивостью» мы понимаем способность системы к длительному воспроизводству во времени, иначе говоря, отсутствие в системе серьёзных внутренних противоречий, которые необратимо ведут к её саморазрушению и (или) радикальной трансформации. Ставя проблему «устойчивости ядерной анархии», мы тем самым спрашиваем: существует ли *неразрешимое противоречие* между двумя характеристиками современного мира – его «анархичностью» и его «ядерностью»?

Как было отмечено во введении, тезис о неустойчивости ядерной анархии был выдвинут вскоре после появления ядерного оружия, в частности, в манифесте Рассела–Эйнштейна, где прямо формулировался выбор между «ограничением национального суверенитета» и «уничтожением человеческого рода»⁶. Вместе с тем сегодня этот тезис в последовательном виде отстаивают лишь немногие (см., например: Craig 2019; Deudney 2019), а преобладающим является представление о совместимости анархического мироустройства и ядерного оружия.

Аргументация сторонников тезиса о неустойчивости ядерной анархии⁷ достаточно проста: «Сочетание [международной] анархии и запасов [ядерного оружия] предвещает потенциальную ядерную войну, если принять стандартное определение анархии как именно такого состояния, в котором возможна крупномасштабная война» (Craig 2019: 350). Ядерная война же, в свою очередь, будет означать «внезап-

⁵ Таким образом, понятие «иерархия» используется нами в более узком и формальном значении (близком как раз к К.Уолтцу), чем, например, во влиятельной работе Д. Лэйка (см.: Lake 2009).

⁶ Манифест Рассела–Эйнштейна, 1955 г. *Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения 25.11.2022).

⁷ Для краткости будем далее называть его просто «тезисом о неустойчивости», а противоположную точку зрения, соответственно, «тезисом об устойчивости».

ный цивилизационный коллапс» (Deudney 2019: 381). Таким образом, обоснование тезиса можно представить в виде следующей причинно-следственной цепочки: анархический характер отношений между ядерными державами неизбежно приведёт их к войне, эта война неизбежно перейдёт в ядерную (либо сразу начнётся как ядерная), наконец, ядерная война – это, как минимум, полный распад современных социально-политических структур (включая систему государств), а как максимум – вымирание человечества. Схематически это выглядит следующим образом:

(1) ЯДЕРНАЯ АНАРХИЯ → ВОЙНА → ЯДЕРНАЯ ВОЙНА →
КОЛЛАПС СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ

Альтернативой указанному сценарию является радикальная трансформация мироустройства в направлении отказа от анархии. Здесь точки зрения начинают варьироваться от полноценного мирового государства (Craig 2019) до ограничения глубокой наднационализации только сферой контроля над ядерным оружием (Deudney 2007: 254–264; Deudney 2019: 378–382), однако общая логика остаётся следующей:

(2) ЯДЕРНАЯ АНАРХИЯ → ОСОЗНАНИЕ НЕУСТОЙЧИВОСТИ →
ПЕРЕХОД К НЕ-АНАРХИЧЕСКОМУ МИРОПОРЯДКУ

Так или иначе, ядерная анархия – согласно мнению сторонников данной точки зрения – исчезнет либо в ходе глобальной реформы, либо в огне глобальной войны и, следовательно, не является устойчивой.

Логическим образом, сторонники тезиса об *устойчивости* ядерной анархии оспаривают одну или несколько причинно-следственных связей из схемы (1). Они могут утверждать, что: а) анархические отношения между ядерными державами не обязательно ведут к войне; б) война между ядерными державами не обязательно перейдёт в ядерную; в) ядерная война не обязательно приведёт к полномасштабному цивилизационному коллапсу.

В качестве примера первой стратегии аргументации можно привести теорию «ядерной революции», согласно которой возникновение ситуации взаимного гарантированного уничтожения, сделав невозможной военную победу в крупномасштабном конфликте, привело к революционным изменениям в практиках государственной стратегии: они стали направлены на поддержание мира в отношениях между великими державами, сохранение статус-кво, предотвращение кризисов (Jervis 1989: 1–41). При этом государство как политическая форма и, следовательно, межгосударственная анархия остались в своей сущности неизменными. В более распространённой интерпретации для поддержания мирного характера «ядерной анархии» требуются специализированные институты контроля над вооружениями (Deudney 2007: 252–254; Арбатов 2021), однако есть и радикальная точка зрения Кеннета Уолтца, полагавшего, что ядерное сдержива-

ние работает автоматически, даже без подпорки в виде соответствующих международных режимов (Waltz 1990).

Примером второй стратегии выступает аргументация Алексея Фененко, основанная на обращении к опыту неприменения химического оружия во Второй мировой войне: в этой логике наличие у двух стран ядерного оружия совсем не обязательно сдерживает возникновение между ними вооружённого конфликта, однако оно эффективно предотвращает переход конфликта на ядерный уровень, иначе говоря, сдерживает своё собственное применение (Фененко 2018).

Наконец, третья стратегия аргументации в пользу тезиса об устойчивости существует в двух вариантах: 1) концепция ограниченной ядерной войны, которая не перерастает в полномасштабную, а, напротив, сдерживает дальнейшую эскалацию (Kahn 1965; Богданов 2022: 6–9); 2) представления о не-катастрофических последствиях даже полномасштабной ядерной войны (Kahn 1960)⁸.

Отдельно следует упомянуть набравшие популярность конструктивистские подходы, которые считают достижимым либо устойчивое неприменение ядерного оружия благодаря распространению и интернализации соответствующих норм (Tannenwald 2007), либо даже полный отказ от ядерного оружия в результате его последовательной нормативной делегитимации (Ritchie 2013). Данные подходы⁹ также оказываются версиями тезиса об устойчивости ядерной анархии, поскольку в обоих случаях подразумевается принципиальная совместимость описываемых мер с сохранением государства. Это наглядно подтверждается прикладным ответвлением указанных конструктивистских подходов в виде инициативы за запрещение ядерного оружия по гуманитарным основаниям, кульминацией которой стал ДЗЯО (Махукова 2016; Тузмухамедов 2021). Данная инициатива осознанно исходит из возможности запрещения ядерного оружия по моральным и правовым основаниям в рамках существующей системы государств (Ruzicka 2019).

Ко всем перечисленным аргументам, выдвигаемым сторонниками тезиса об устойчивости, можно привести контраргументы. Так, существующие оценки последствий полномасштабного обмена ядерными ударами между Россией и США ставят под вопрос утверждение о не-катастрофичности полноценной ядерной войны: гибель 5 миллиардов человек в течение двух лет (Xia et al. 2022) – это, конечно, не полное вымирание, но катастрофа достаточно масштабная, чтобы полагать, что оставшееся после неё будет уже не системой суверенных государств в сколь-нибудь осмысленном значении¹⁰. В свою очередь, концепции ограничен-

⁸ См. также: Алексеев В. 2019. Миф ядерного сдерживания. *Российский совет по международным делам* [Электронный ресурс]. 15.03.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/mif-yadernogo-sderzhivaniya/> (дата обращения 25.11.2022).

⁹ За исключением теории мирового государства А. Вендта (Wendt 2003), в которой осознание угроз, проистекающих из состояния ядерной анархии, выступает одним из факторов (хотя и не главным) перехода к глобальной политической иерархии.

¹⁰ К тому же, 5 млрд погибших – это прогнозируемое число смертей только от голода, без учёта воздействия других негативных последствий ядерной войны. Другие современные исследования климатических последствий ядер-

ной ядерной войны выглядят уязвимо в связи с тем, что «эскалационный потенциал сигнальных стратегий велик, а никаких инструментов управления эскалацией, кроме зыбкой презумпции хладнокровно-рационального поведения игроков в кризисной обстановке, так и не предложено» (Богданов 2022: 11)¹¹.

Далее, аргументация от сравнения с неприменением химического оружия не учитывает ряд существенных различий между двумя ситуациями, в частности, отсутствие в случае химического оружия в межвоенный период стратегий первого обезоруживающего удара – в случае ядерного оружия сегодня невозможность полностью исключить такие стратегии является одним из основных дестабилизирующих рисков (Lieber, Press 2017). Надежда на «автоматическое» сдерживание подрывается парадоксальным характером ядерной стратегии, в результате чего возникают «тенденции к саморазрушению ядерного сдерживания как изнутри ..., так и извне...» (Арбатов 2021: 106). Наконец, контроль над вооружениями и нормы неприменения ЯО существуют не в вакууме, но зависят от более широкого международно-политического контекста и, как следствие, подвержены эрозии в условиях кризисов отношений между ядерными державами (Tannenwald 2018; Арбатов 2021: 109).

Вместе с тем все эти аргументы показывают лишь принципиальную *возможность* катастрофической ядерной войны в условиях международной анархии, но не её неизбежность. Один из стандартных способов перехода от утверждения о возможности к утверждению о неизбежности (а именно оно необходимо для полноценного обоснования тезиса о неустойчивости ядерной анархии) – аргумент от накопления вероятности. Если допустить, что вероятность ядерной войны в каждый конкретный год составляет 1%, и что она независима от вероятности ядерной войны в любой другой год, то, согласно теории вероятностей, риск начала ядерной войны на протяжении того или иного количества лет будет определяться формулой:

$$1 - (1 - p)^n,$$

где n – количество лет,

p – вероятность ядерной войны в течение одного года.

В таком случае в рамках столетнего периода вероятность ядерной войны составит уже 63,4%. Однако если допустить, что вероятность ядерной войны, со-

ной войны дают в целом сходные результаты: резкое снижение температуры Земли на протяжении нескольких лет, приводящее к почти полному коллапсу сельского хозяйства и массовому голоду (Robock, Oman, Stenchikov 2007; Coupe et al. 2019). Наиболее распространённой сегодня является точка зрения, согласно которой *полномасштабная ядерная война станет глобальной катастрофой, означающей конец современной цивилизации и в социально-организационном, и в технологическом измерениях, однако всё же не приведёт к полному исчезновению человечества* (Scouras 2019; Ord 2020: 90–102). Риск полного вымирания не исключается целиком, но рассматривается как наихудший сценарий с крайне низкой вероятностью.

¹¹ Эту презумпцию, основанную на высочайших требованиях к рациональному и верному распознаванию намерений противника и расчёту собственных шагов в условиях разворачивающегося обмена ограниченными ударами, критиковал ещё Х. Моргентгау (Morgenthau 1964: 25–30).

ставляя в исходный год 1%, далее с каждым годом снижается на 80% от уровня прошлого года, то её совокупная вероятность *за всё время* составит лишь 5% (Nye 1988: 21). Скорее всего, одинаково неправдоподобны оба допущения. Эмпирически мы наблюдаем и не полную независимость вероятности одного года от другого, и не последовательное снижение риска. Происходят – как было показано во введении¹² – скорее циклические колебания уровня риска от более низких значений к более высоким и обратно, которые, опять же, не дают возможность сделать однозначный вывод: может быть, повышательная волна рано или поздно дойдёт до наступления катастрофы, а может быть, такие колебания способны продолжаться неограниченно долго.

Таким образом, в своём текущем виде дискуссия об устойчивости или неустойчивости ядерной анархии носит принципиально открытый, незавершённый характер. В этой ситуации самостоятельную ценность приобретает привнесение в эту дискуссию новых, ещё не задействованных подходов, которые могут позволить взглянуть на ситуацию с дополнительной и, может быть, неожиданной стороны. Поэтому мы предлагаем темпоральный подход – рассмотрение темпоральностей (представлений о времени), с которыми взаимосвязаны ядерное оружие, с одной стороны, и система суверенных государств, с другой.

Темпоральный подход: время ядерного оружия vs. время анархии

Проблема устойчивости ядерной анархии – это вопрос о характере отношения между материальными артефактами (ядерным оружием) и формой социальной организации (системой суверенных государств). Вместе с тем ни материальные артефакты, ни социальные формы не существуют сами по себе, но всегда встроены в определенные культурно-мировоззренческие системы или попросту «культуры»¹³.

Отдельные части этого аргумента хорошо известны и разработаны в теории международных отношений. Так, опосредованность каузального воздействия материальной реальности её идейной интерпретацией – одно из центральных положений конструктивизма. Хрестоматийный пример: США по-разному реагируют на британское и северокорейское ядерное оружие, поскольку первая страна осмысливается ими как «друг», а вторая – как «враг» (Wendt 1995). Была неоднократно описана и взаимосвязь международных институтов с определёнными культурными – например, космологическими (Allan 2018) или ценностными (Reus-Smit 1999) – представлениями¹⁴.

¹² См. примечание 3.

¹³ Если «культура» понимается в духе К. Гирца как система смыслов и значений, организующая социальное действие (Geertz 1973).

¹⁴ Данные исследование соответствуют выводам культурных антропологов о том, что формы социальной организации (институты) не являются культурно нейтральными, «пустыми формами», они отражают, воплощают и *воспроизводят* определённые ценности, символы и картины мира (Дуглас 2020). Следовательно, изменение куль-

Встречается – чаще всего в критической теории и исторической социологии – и совместный анализ всех трёх измерений международной реальности – материального, социального и культурного (идейного) (см., например: Cox 1981: 135-137). Однако при таком подходе все три измерения обычно рассматриваются как равноправные, вследствие чего упускается особый статус культурного измерения: оно не только само взаимодействует с социальным и материальным, но и *в значительной степени опосредует взаимодействие между социальным и материальным*. Именно такой культуро-центричный анализ мы предлагаем применить для рассмотрения проблемы устойчивости ядерной анархии.

Вопрос заключается в следующем: *являются ли культурные представления, необходимые для предотвращения полномасштабной ядерной войны, совместимыми с сохранением социальной формы суверенного государства (и, следовательно, международной анархии)?* В свою очередь, из всего культурного измерения реальности в контексте ядерного оружия особый интерес представляет темпоральность – представления о природе времени и направлении его течения (Allan 2018: 11). На взаимосвязь ядерного оружия с определенными представлениями о времени уже обращалось внимание в ряде работ (Mandelbaum 1981: 228-229; Burke 2016; Hamilton 2018)¹⁵, однако ни в одной из них не применялся вышеописанный теоретический подход, оптимальный с нашей точки зрения.

Самый ранний, но и самый теоретически примитивный пример рассмотрения проблемы ядерной анархии через призму темпоральности обнаруживается у М. Мандельбаума (1981: 228-229). Он, обращая внимание на психологическую несовместимость ядерного оружия с западным линейным представлением о времени, предлагает задуматься о возврате к традиционной циклической темпоральности. Однако Мандельбаум исключает значимое влияние идей на социально-политические или материальные процессы (Mandelbaum 1981: 1-7): возможность катастрофической ядерной войны для него вытекает из «объективного» взаимодействия материальности ядерного оружия и международной анархии как формы политической организации мира. Всё, что могут идеи – лучше или хуже отражать эту объективную реальность. Как следствие, Мандельбаум считал циклическую темпоральность более подходящей отнюдь не для предотвращения ядерной войны, но для примирения человека с её возможностью (Mandelbaum: 228-229).

Нас же интересует именно влияние идей на *предотвращение* ядерной катастрофы, поскольку мы исходим из того, что идеи, включая представления о времени, обладают каузальным влиянием на материальные и социальные процессы.

турного «содержания», как правило, требует параллельной трансформации социальных «форм», и наоборот: «... изменить паттерны социальных отношений означает изменить координаты восприятия мира» (Geertz 1973: 28).

¹⁵ Хотя их малое количество всё равно вызывает удивление, особенно в контексте недавно анонсированного «темпорального поворота» в международных исследованиях (Hom 2018). Частично такое невнимание к ядерному оружию в работах о международно-политической темпоральности можно объяснить тем, что большинство из них носят метатеоретический или методологический характер – то есть анализируют темпоральные предпосылки существующих *теорий* международных отношений (Hom 2020; Hutchings 2008; Hutchings 2018), а не влияние представлений о времени на *практику* международной политики.

Можно конкретизировать поставленный выше вопрос: *являются ли представления о времени, необходимые для предотвращения полномасштабной ядерной войны, совместимыми с сохранением анархической системы суверенных государств?*

В литературе обнаруживаются противоположные точки зрения. Э. Бёрк подчёркивает несовместимость конечной темпоральности¹⁶ ядерного оружия с существующими ядерными стратегиями – сдерживания и «победы в ядерной войне» – которые опираются на представление о бесконечности времени (в его циклическом и линейно-прогрессивном изводах, соответственно) (Burke 2016). В свою очередь, соответствует темпоральности ядерного оружия политика полного ядерного разоружения, к которой и предлагает перейти Бёрк (2016: 89). При этом имплицитно подразумевается, что такая политика может быть реализована в рамках системы суверенных государств¹⁷. Напротив, С. Хэмилтон прямо подчёркивает, что конечная темпоральность эпохи Антропоцена¹⁸ противоречит бесконечному времени фукольдланской правительственности и нововременного государства (Hamilton 2018). А раз противоречит, то, следовательно, ведёт к их подрыву и трансформации во что-то иное. Отметим, что Хэмилтон упускает из виду обратное влияние социальных форм (системы государств) на культуру (темпоральность), которое может приводить к консервации «старых» представлений даже в новом материальном контексте.

Наш подход в наибольшей степени близок именно к Хэмилтону. Учитывая оценки, приведённые в примечании 10, появление ядерного оружия действительно требует *осмысления времени человечества как потенциально конечного* – ядерное оружие может быть накоплено в таких количествах и использовано таким образом, что это положит конец существованию человеческой цивилизации¹⁹. При этом мы полагаем, что распространение и укоренение соответствующей ядерному оружию конечной темпоральности не совместимо с сохранением международной анархии, поскольку последняя *опирается на прямо противоположную – бесконечную – темпоральность*.

Связь государства модерна с бесконечной темпоральностью описал, в частности, М. Фуко. Анализируя трактаты об искусстве управления государством конца XVI – начала XVII в., он замечает, что, согласно им, «государство <...> не должно даже искать нечто подобное концу истории или подобное её завершению, или что-то вроде точки, где соединялись бы время истории и вечность» (Фуко 2011: 340).

¹⁶ Темпоральность ядерного оружия мы характеризуем как конечную, потому что, по Бёрку, оно способно положить конец времени человечества.

¹⁷ Можно, конечно, сказать, что данный вопрос Бёрк просто игнорирует. Представляется, однако, что отсутствие прямого утверждения о необходимости преодоления анархии в данном случае допустимо интерпретировать как имплицитное согласие с обратным тезисом.

¹⁸ О связи между началом Антропоцена и созданием ядерного оружия см.: (Burke 2016: 86-87; Van Munster 2021; Uchaev 2021: 7-9).

¹⁹ Таким образом, по одному из измерений дискуссии об устойчивости ядерной анархии – по вопросу последствий полномасштабной ядерной войны – мы исходно принимаем тезис об их катастрофическом характере. Вместе с тем данное измерение дискуссии представляется и наименее спорным.

Далее Фуко резюмирует: «Формируется новое восприятие истории, уже не устремлённое к концу времён и объединению всех отдельных держав в последней империи; оно открыто бесконечному времени, в котором государства состязаются друг с другом, обеспечивая продолжение своей жизни» (Фуко 2011: 471). Этот тезис Фуко на концептуальном уровне согласуется с концепцией Модерна Бруно Латура. По Латуру, Новое время – это постапокалиптическая эпоха, то есть, эпоха, осмыслившая себя как достигнутый конец истории и освободившаяся от ожидания каких-либо радикальных трансформаций²⁰ (Latour 2017: 184–219).

Постулируемая Фуко взаимосвязь между конечной и бесконечной темпоральностями и альтернативными формами политической организации – иерархически-универсалистской (империей) и партикуляристской (государством), соответственно – подтверждается и эмпирическими исследованиями²¹. Эсхатологические видения надвигающегося конца света исторически служили легитимации имперских проектов – от Византии и раннего исламского халифата (Shoemaker 2018) до империи Карла Великого (Gabriele 2011: 97–128)²² и Священной Римской Империи (Arnold 2003) вплоть до позднего Средневековья (Kneupper 2016). В свою очередь, суверенным государствам нового времени всегда сопутствовали представления о времени как неограниченном в будущем, пусть эти представления и менялись с циклических на линейно-прогрессивные (Allan 2018: 108, 143–148). Государственные деятели, осмысляя положение своих стран в истории, могли прибегать к разным конкретным концепциям – от кризисного разрыва с прошлым до неизменной статичности (Clark 2019) – но все они подразумевают бесконечную темпоральность. В абсолютистских Франции и Англии раннего Нового времени апокалиптические пророчества прямо запрещались, поскольку «само существование [государства] зависело от искоренения миллениаристских ожиданий» (Koselleck 2004: 16–17, 21).

У этой зависимости есть абстрактно-логическое обоснование: государство модерна одновременно территориально ограничено и суверенно (Каспэ 2008: 124–127; Скиннер 2018: 519–524), иначе говоря, оно осознаёт себя как одного из множества существующих политических субъектов, претендуя при этом на полную независимость в своих действиях и признавая за другими право на такую же независимость. Такое суверенное обособление становится легитимным и обоснованным в том случае, если у субъектов отсутствует какое-либо представление об «общей судьбе», требующей от них объединения и коллективного действия (Wendt 1999: 349–353). Следовательно, пока у христианской Европы существовала общая

²⁰ Подробнее о самовосприятии Модерна как постапокалиптической эпохи и, в частности, об отражении этого самовосприятия в международно-политической теории см.: (Учаев, Харкевич 2023).

²¹ Стоит отметить, что все приводимые ниже работы касаются политических форм в обществах авраамических религий. В других цивилизациях – например, китайской, древнеегипетской, дохристианской римской – имеются многочисленные примеры имперской (иерархически-универсалистской) политической структуры при бесконечной темпоральности.

²² См. также: Van Meter D.C. 1997. *The empire of the year 6000: eschatology and the sanctification of Carolingian politics*. Ph.D. diss., Boston University.

судьба в виде ожидавшегося «конца времён», государство не смогло бы утвердиться в качестве доминирующей политической формы.

Что же касается обратного воздействия – воспроизводства государством бесконечной темпоральности, то оно обнаруживается как в прямых, так и в косвенных формах. Напрямую влияние государств на представления людей о времени проявляется в реализуемой ими исторической политике. Государство стремится сконструировать ощущение собственной вечности, проецируя себя вглубь истории: так, происходившие на территории Испании события Второй Пунической войны между Римом и Карфагеном «апроприируются» как принадлежащие истории испанского государства и народа (Ферро 2010: 163). Или же государство в гегельянском духе, позиционирует себя как логический итог и высшую точку предшествующего исторического развития – точку, которая уже не может быть ничем превзойдена (Ван Кревельд 2019: 242–244). В обоих случаях артикулируется бесконечная темпоральность.

Косвенно же бесконечное восприятие времени задаётся самой структурой социальной жизни в государстве. Государство претендует на, по сути, сакральный статус: быть высшей ценностью для собственных граждан и требовать от них соответствующего поведения, например, готовности «умереть за Родину» (Kaspe 2021: 183–188). И претендует, в целом, успешно: по крайней мере, с начала XIX века «...государство <...> присвоило себе *право* требовать от своих граждан величайшей из возможных жертв» (Ван Кревельд 2019: 254). Такая сакрализация партикулярного подразумевает, что общее – мир и человечество в целом – рассматривается как неproblemатичное и безусловно данное, гарантированное. Живя в государстве и относясь к нему как к высшей ценности, граждане, таким образом, всегда имплицитно воспроизводят представление о бесконечности мира государств.

Наконец, характер функционирования анархической межгосударственной системы также вносит свой вклад в поддержание бесконечной темпоральности: кажется, будто в ней не возникает и не развивается ничего качественно нового, а лишь повторяется конкуренция государств в соответствии с логикой баланса сил, или же сменяют друг друга циклы гегемонии (Hobson 2002: 5–15)²³.

Темпоральное противоречие и его следствия

Итак, появление ядерного оружия требует осознания времени как потенциально конечного, тогда как система суверенных государств опирается на (и воспроизводит) бесконечную темпоральность. Из этого логически следует, что между ядерным оружием и межгосударственной анархией должно существовать **темпоральное противоречие**. Если это заключение верно, то на практике должны

²³ Критические по отношению к мейнстриму исторические исследования международных отношений убедительно показывают иллюзорность такого а-исторического восприятия (см., например: Teschke 2003; Buzan, Lawson 2015). Для нас, однако, важен сам факт возникновения и широкого распространения подобных представлений.

наблюдаться следующие последствия: 1) осмысление конечной темпоральности ядерного оружия будет приводить к попыткам ограничения суверенитета; 2) в условиях сохраняющейся международной анархии будет происходить переосмысление ядерного оружия как совместимого с бесконечностью времени – «этернализация» ядерного оружия, как мы предлагаем называть этот феномен.

Первое ожидаемое последствие проявилось, в частности, в том, что одной из ранних реакций на появление ядерного оружия стала попытка поставить его под жёсткий международный – фактически, наднациональный – контроль (Baratta 1985). Если же обратиться к тексту доклада Ачесона–Лилиентала, бывшего важным этапом указанной попытки формирования наднационального ядерного регулирования, то в нём ядерное оружие описывается как «доселе невиданное средство разрушения», направленное на «разрушение городов врага и уничтожение его населения»²⁴, а также говорится о необходимости «защиты человечества от зла атомной войны»²⁵. Таким образом, осознание потенциальной конечности человечества обосновывало попытку иерархического ограничения государственного суверенитета.

Ещё одним свидетельством наличия взаимосвязи между конечной темпоральностью и стремлением к ограничению суверенитета служит сравнение различных инициатив гражданского общества по ядерной проблематике. Когда внимание в них привлекается именно к возможности всеобщего коллапса, как в уже упоминавшемся манифесте Рассела–Эйнштейна или, например, в статьях одного из крупнейших антиядерных активистов XX в. Джонатана Шелла²⁶, за этим следует практический призыв к ограничению суверенитета и преодолению межгосударственной анархии²⁷. В свою очередь, показательным обратным примером служит «Международная кампания за отказ от ядерного оружия», в рамках которой акцент делается не на угрозе исчезновения человечества, но на незаконности, аморальности и гуманитарных последствиях применения ядерного оружия²⁸, а предлагаемые практические меры, соответственно, не затрагивают основ суверенного мироустройства²⁹. Можно заключить, что чем отчётливее артикулируется потен-

²⁴ Lilienthal D.E. et al. *A Report on the International Control of Atomic Energy* [Электронный ресурс]. 16.03.1946. URL: <https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf> (дата обращения 25.11.2022). Р. 8.

²⁵ Ibid. Р. 9-10. Пусть приведённые цитаты и не содержат наиболее прямых маркеров конечной темпоральности (например, упоминаний «вымирания» или «угрозы выживанию» человечества), они тем не менее указывают на формирующееся осознание всеобщей и тотальной угрозы.

²⁶ «...следует заключить, что полномасштабный ядерный холокост может привести к вымиранию человечества» (Schell 1982: 93).

²⁷ В отношении манифеста Рассела–Эйнштейна см. примечание 2; у Шелла см.: (Schell 1982). Нужно отметить, что впоследствии Шелл попытался отойти от призыва к мировому государству и обосновать реалистичность ядерного разоружения в условиях межгосударственной анархии (Schell 2004). Эта попытка, однако, основывалась на сомнительном допущении, что сдерживание продолжает работать после ядерного разоружения и, как представляется, была мотивирована скорее практической нереалистичностью идеи о мировом государстве в начале 1980-х, чем теоретическим переосмыслением его необходимости.

²⁸ См., например: Why a ban. *International Campaign to Abolish Nuclear Weapons* [Электронный ресурс]. URL: https://www.icanw.org/why_a_ban (accessed 20.11.2022).

²⁹ Ключевой практический результат данной кампании – Договор о запрещении ядерного оружия, хотя и упоминает «компетентный международный орган или органы для согласования и проверки» (п.6 ст.4) реализации положе-

циальная конечность человечества в связи с ядерным оружием, тем вероятнее проблематизация анархии и суверенитета.

Что же касается второго ожидаемого последствия темпорального противоречия – «этернализации» ядерного оружия – то оно наблюдается сразу в нескольких версиях. *Первая*, самая простая, версия – «отрицание», отрицание того, что полномасштабное применение ядерного оружия несёт в себе угрозу существованию человечества. Примером здесь является одна из приведенных в разделе II стратегий аргументации в пользу тезиса об устойчивости ядерной анархии, постулирующая не-катастрофичность ядерной войны. *Вторую версию* можно назвать «технооптимистической». Она основывается на допущении о существовании технологического решения угрозы ядерной войны, например, в виде создания идеальной противоракетной обороны. Пример – Стратегическая оборонная инициатива администрации Рейгана. Показательно, что в обоих случаях «этернализация» имеет государственное (СОИ) или околосударственное³⁰ происхождение. Целью и результатом «этернализации» оказывается *выстраивание непротиворечивой ядерной стратегии, которую государство могло бы последовательно реализовывать*, не попадая во внутренне противоречивую ситуацию сдерживания³¹, когда предотвращение суицидальной ядерной войны достигается посредством иррациональной угрозы развязывания такой войны.

Через призму «этернализации» можно по-новому взглянуть и на нашумевшее высказывание Президента РФ В.В. Путина: «мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»³². Речь здесь, разумеется,

ний договора, не наделяет такой орган правом принуждения и в принципе обходит молчанием вопрос о санкциях за неисполнение договора. См.: Договор о запрещении ядерного оружия [Электронный ресурс]. 07.07.2017. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/209/75/PDF/N1720975.pdf?OpenElement> (дата обращения 20.11.2022).

³⁰ Так, Герман Кан, чьи работы упоминались в разделе II как пример отрицания катастрофичности полномасштабной ядерной войны, работал в тесно связанных с американским правительством аналитических центрах RAND Corporation и The Hudson Institute.

³¹ О неразрешимом противоречии, «апории» двух функций ядерного оружия: предотвращения и ведения войны, см., в частности: (Арбатов 2021: 92–94). В рамках предлагаемого темпорального подхода эту противоречивость можно объяснить тем, что сдерживание – ставшее доминирующей политикой в отношении ядерного оружия – не разрешает темпорального противоречия, но пытается «смягчить» его, в идеале переводя ЯО в особую категорию «политического» оружия. (Авторы благодарят одного из рецензентов за указание на возможность такой трактовки политики ядерного сдерживания). Однако, как коротко отмечалось в разделе II, с течением времени сохранение этого внутреннего противоречия приводит к «саморазрушению ядерного сдерживания» (Арбатов 2021). В частности, эффективное ядерное сдерживание от конвенциональных угроз требует поддерживать убедительность угрозы первого ядерного удара. Развитие ядерной стратегии в данном направлении, в свою очередь, понижает «ядерный порог» и повышает вероятность неуправляемой эскалации (Арбатов 2021: 99–102). Эта проблема стояла бы менее остро, если бы ведущие ядерные державы доктринально зафиксировали неприменение ядерного оружия в ответ на конвенциональное нападение, однако сегодня и США, и Россия сохраняют за собой право такого применения (Ibid: 93).

³² Имеет смысл привести расширенный контекст этого высказывания: «И когда мы убеждаемся (а это всё происходит в течение нескольких секунд), что атака идёт на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар. Это ответно-встречный. Почему встречный? Потому что летят к нам, а навстречу полетит в сторону агрессора. Конечно, это всемирная катастрофа, но я повторяю, мы не можем быть инициаторами этой катастрофы, потому что у нас нет превентивного удара. Да, в этой ситуации мы как бы ждём, что в отношении нас кто-то применит ядерное оружие, сами ничего не делаем. Ну да. Но тогда агрессор всё равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен. А мы – жертвы агрессии, и мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут,

не о немедленной готовности или, тем более, стремлении к ядерной войне, как это представлено в отдельных радикальных интерпретациях оппозиционных СМИ. Напротив, у данного высказывания (если анализировать его целиком) был вполне прагматичный посыл: подтвердить, что Россия продолжает придерживаться концепции ядерного сдерживания. Проблема, однако, в том, что сама концепция ядерного сдерживания в значительной степени иррациональна: в момент, когда сдерживание не срабатывает, реализация угрозы ответного удара теряет какую-либо прагматическую, рациональную цель. Высказывания, подобные рассматриваемому, обеспечивают хотя бы минимальный выход из этой абсурдной ситуации – как минимум, риторический, а, возможно, и мировоззренческий. Причём, если в случае высшего руководства РФ о мировоззрении мы можем лишь спекулировать, то в отношении отдельных российских армейских и церковных кругов есть свидетельства, что вера в загробную жизнь действительно примиряет их с возможностью использования ядерного оружия (Adamsky 2019). Следовательно, можно говорить о существовании *третьей* – условно «религиозно-традиционалистской» – версии «этернализации» ядерного оружия, которая по своим функциям аналогична первым двум.

Первичная проверка³³, таким образом, подтверждает гипотезы, вытекающие из концепции темпорального противоречия. С одной стороны, осознание конечной темпоральности ядерного оружия стимулирует попытки иерархического ограничения суверенитета и преодоления межгосударственной анархии³⁴. С другой стороны, пока эти попытки не увенчиваются успехом, фундаментальная логика функционирования системы суверенных государств ведёт к «этернализации» ядерного оружия – его осмыслению как совместимого с бесконечностью времени.

потому что даже раскаяться не успеют». См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России: официальный сайт* [Электронный ресурс]. 18.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения 28.11.2022).

³³ Вышеприведённые наблюдения, конечно, являются лишь «первичной проверкой» гипотез, выводимых из концепции темпорального противоречия. Представляется, что результаты этой проверки обосновывают релевантность и перспективность подхода, однако для более убедительных выводов требуются дальнейшие исследования.

³⁴ Из этого *не следует*, что выходом из темпорального противоречия ядерной анархии является *любая* иерархическая политическая форма, взаимосвязанная с *любой* конечной темпоральностью. Так, телеологические концепции истории (например, христианский хилизм, а из секулярных – классический марксизм или «конец истории» Фукуямы), если они позиционируют своего субъекта до наступления последней, совершенной стадии исторического развития, также задают конечную темпоральность – и часто легитимируют имперские / универсалистские политические проекты, призванные это наступление приблизить. В условиях ядерной анархии подобные проекты в лучшем случае отступают под воздействием, в том числе, ядерного сдерживания. В худшем случае, если представить себе столкновение нескольких одинаково непримиримых имперских проектов, возможна и ядерная война «во имя высшей цели». Следовательно, нужно отличать те версии конечной темпоральности (и связанных с ней иерархических политических форм), где источником «конечности» выступает утопический горизонт, от тех, где восприятие конца складывается вследствие осознания глобальной экзистенциальной угрозы. Можно было бы назвать их «мессианическими» и «катехонтическими», соответственно (Dillon 2011: 784). Авторы благодарят одного из рецензентов за указание на возможность конфликта между разными версиями конечной темпоральности.

* * *

Теперь мы можем вернуться к описанным в разделе II дискуссиям и оценить, какой вклад в них вносит концепция темпорального противоречия.

Во-первых, она показывает, что в условиях международной анархии государства не могут «просто учесть» ядерное оружие как новый фактор и устойчиво изменить свою стратегию соответствующим образом. Описываемые теорией ядерной революции изменения в характере великодержавных отношений, не будучи прочно институционализированы, с течением времени нивелируются под давлением логики межгосударственной анархии. А возврат государств к политике *raison d'état*, подкрепляемый существованием «этернализующих» нарративов в отношении ядерного оружия, ослабляет институты контроля над вооружениями и постепенно повышает риск эскалации³⁵. Таким образом, концепция темпорального противоречия в этом отношении оказывается созвучна недавней критике теории ядерной революции – ядерное оружие само по себе не меняет фундаментально конфликтную логику системы суверенных государств и не выступает автоматической гарантией отсутствия войны между великими державами (Lieber, Press 2020).

Во-вторых, в свете концепции темпорального противоречия обнаруживается, что предотвращение полномасштабной ядерной войны (иначе говоря, управление эскалацией) в ситуации конфликта между ядерными державами требует не просто холодной рациональности и стратегического мышления, но своевременного «переключения» между двумя противоположными друг другу картинками мира – *конечной и бесконечной темпоральностями*. Это имеет прямое отношение к поднимавшемуся в разделе II вопросу об устойчивости циклов ядерного риска в долгосрочной перспективе. Такое «переключение» в принципе возможно, в связи с чем однозначного суждения вынести по-прежнему нельзя. Однако трудность задачи, как представляется, повышает оценку вероятности катастрофического развития ядерных кризисов.

Таким образом, концепция темпорального противоречия подкрепляет две причинно-следственные связи, постулируемые сторонниками тезиса о неустойчивости ядерной анархии: 1) от анархии к войне и 2) от войны к (полномасштабной) ядерной войне. Следовательно, мы получаем дополнительный – пусть и, ещё раз отметим, не окончательный – аргумент в пользу тезиса о неустойчивости ядерной анархии³⁶.

³⁵ Данная диалектика двух конкурирующих темпоральностей и соответствующих им социальных форм также способна объяснить наблюдаемую в международной ядерной политике циклическую динамику риска (см. введение, особенно, примечание 3).

³⁶ Если отвлечься непосредственно от ядерной проблематики, наши выводы вступают в дискуссию с точкой зрения, что современный мировой порядок является одновременно и внутренне противоречивым, поскольку в нём сочетаются материальная глобальность и идейная гетерогенность, и тем не менее устойчивым (Сафранчук, Лукьянов 2021; Сафранчук, Жорнист, Несмашный 2021: 175). Представляется, что сторонники данной точки зре-

Более правдоподобной, как было показано в разделе IV, в свете нашей концепции выглядит и причинно-следственная связь «осознание катастрофичности ядерного оружия → переход к международной иерархии». Вместе с тем логика темпорального противоречия сама по себе ничего не говорит о том, какой из двух сценариев исчезновения ядерной анархии – катастрофический или трансформационный – является более вероятным. Это будет зависеть от исхода конкуренции между двумя «культурно-социальными комплексами» («анархия + бесконечная темпоральность» vs. «иерархия + конечная темпоральность»). Для лучшего понимания этого процесса конкуренции необходимо дальнейшее развитие темпорального подхода с более обширным и менее схематичным привлечением эмпирического материала. Особый интерес представляет применение концепции темпорального противоречия для анализа международной политики по противодействию другим глобальным угрозам, в частности, изменению климата: проявляется ли темпоральное противоречие и в этих случаях (чего логично было бы ожидать)? И ведёт ли оно к тем же результатам, как и в случае ядерной анархии? Наконец, приводит ли увеличение числа осознаваемых глобальных катастрофических угроз к укреплению конечной темпоральности и связанных с ней социальных форм в противовес «бесконечной анархии»? Эти вопросы очерчивают лишь часть дальнейших направлений исследований в русле темпорального подхода и свидетельствуют о его богатом эвристическом потенциале.

Об авторах:

Евгений Иванович Учаев – магистр международных отношений, преподаватель и аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

Артём Александрович Квартальнов – магистр международных отношений, участник научного колллектива проекта «Темпоральное измерение международных отношений в контексте глобальных угроз ядерной войны и изменения климата», МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект №22-28-01054 (<https://www.rscf.ru/project/22-28-01054/>). Авторы также благодарят двух анонимных рецензентов и А.И. Никитина, чьи замечания и советы помогли улучшить статью.

ния, с одной стороны, переоценивают способность материальной глобальности (проявлением которой является и ядерное оружие) сдерживать идейно-социальные стимулы к эскалации конфликтов, а с другой стороны, недооценивают потенциал «негативной» идейной универсализации посредством осознания общности угрозы.

UDC: 327, 321.8
Received: July 25, 2022
Accepted: November 10, 2022

Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach

Ye.I. Uchaev, A.A. Kvartalnov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-olf3](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf3)

MGIMO University

Abstract. The article develops a novel temporal approach to the sustainability of nuclear anarchy. The extant literature offers two opposite perspectives on the topic: some scholars argue that nuclear anarchy is unsustainable, since it will inevitably either lead to a catastrophic nuclear war or evolve into a hierarchical world order. Their opponents doubt the inevitability of nuclear war in a system of sovereign states and/or its catastrophic nature. However, the debate, as it stands now, ignores the fact that both technology and social structures are embedded in – and mediated by – cultures and worldviews. In particular, both nuclear weapons and interstate anarchy are embedded in specific temporalities.

Taking this fact into account, we identify and compare perceptions of time that are inter-related with nuclear weapons, on one hand, and international anarchy, on the other. The article reveals a temporal contradiction of nuclear anarchy: while nuclear weapons imply a potential finitude of humanity, the system of sovereign states is intrinsically connected with an indefinite temporality. We derive two theoretical implications from the concept of temporal contradiction. First, a realization of finite temporality should subvert the legitimacy of an anarchic world order and encourage limitations on national sovereignty. Second, international anarchy should ‘eternalize’ nuclear weapons, i.e., reinterpret them as compatible with the eternity of human civilization. Familiar events of nuclear history including early attempts to establish international control of nuclear energy, the Strategic Defense Initiative, and the evolution of the anti-nuclear movement are interpreted here as empirical evidence in favor of the theoretical implications described above.

Thus, the concept of temporal contradiction provides another argument in favor of the idea that nuclear anarchy is unsustainable in the long run, since the proliferation of the finite temporality leads to international hierarchy, whereas persistent indefinite temporality masks the severity of the nuclear threat, making nuclear war more conceivable and probable.

Keywords: temporality, nuclear weapons, international anarchy, sovereign state, nuclear war, global threats, temporal contradiction

About the Authors:

Yevgeny I. Uchaev – M.A. in International Relations, Lecturer and PhD student, World Politics Department, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

Artem A. Kvartalnov – M.A. in International Relations, member of the research team, research project “Temporality of international relations in the context of global threats of nuclear war and climate change”, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01054 (<https://www.rscf.ru/project/22-28-01054/>). The authors want to thank two anonymous reviewers and Alexander I. Nikitin, whose comments and suggestions helped to improve the paper.

References:

- Adamsky D. 2019. *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*. Stanford, CA: Stanford University Press. 354 p.
- Allan B.B. 2018. *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. DOI: 10.1017/9781108241540.
- Arnold B. 2003. Eschatological Imagination and the Program of Roman Imperial and Ecclesiastical Renewal at the End of the Tenth Century. In: Landes R., Gow A. and Van Meter D.C. (eds) *The Apocalyptic Year 1000: Religious Expectation and Social Change, 950-1050*. Oxford: Oxford University Press. P. 271-288. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195161625.003.0014.
- Baratta J.P. 1985. Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? *The International History Review*. 7(4): 592-621. DOI: 10.1080/07075332.1985.9640394.
- Burke A. 2016. Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security*. 4(1). P. 73-90. DOI: 10.1080/21624887.2016.1162394.
- Buzan B., Lawson G. 2015. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 421 p. DOI: 10.1017/CBO9781139565073.
- Clark C. 2019. *Time and Power: Visions of History in German Politics, from the 'Thirty Years' War to the Third Reich*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 293 p.
- Coupe J., Bardeen C. G., Robock A. and Toon O. B. 2019. Nuclear winter responses to nuclear war between the United States and Russia in the Whole Atmosphere Community Climate Model Version 4 and the Goddard Institute for Space Studies ModelE. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*. 124(15). P. 8522–8543. DOI: 10.1029/2019JD030509.
- Cox R.W. 1981. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium: Journal of International Studies*. 10(2). P. 126–155. DOI: 10.1177/03058298810100020501.
- Craig C. 2019. Solving the Nuclear Dilemma: Is a World State Necessary? *Journal of International Political Theory*. 15(3). P. 349-366. DOI: 10.1177/1755088218795981.
- Deudney D.H. 2007. *Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 391 p.
- Deudney D.H. 2019. Going Critical: Toward a Modified Nuclear One Worldism. *Journal of International Political Theory*. 15(3). P. 367-385. DOI: 10.1177/175508821879668.
- Dillon M. 2011. Specters of Biopolitics: Finitude, Eschaton, and Katechon. *South Atlantic Quarterly*. 110(3). P. 780–92. DOI: 10.1215/00382876-1275797.
- Gabriele M. 2011. *An Empire of Memory: The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade*. Oxford: Oxford University Press. 216 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199591442.001.0001.
- Geertz C. 1973. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York. Basic Books. 470 p.

Hamilton S. 2018. Foucault's End of History: The Temporality of Governmentality and Its End in the Anthropocene. *Millennium: Journal of International Studies*. 46(3). P. 371–395. DOI: 10.1177/0305829818774892.

Hobson J.M. 2002. What's at Stake in 'Bringing Historical Sociology Back into International relations'? Transcending 'Chronofetishism' and 'Tempocentrism' in International Relations. Hobden S. and Hobson J.M. (eds) *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3–41.

Hom A.R. 2018. Silent Order: The Temporal Turn in Critical International Relations. *Millennium: Journal of International Studies*. 46(3). P. 303–30. DOI: 10.1177/0305829818771349.

Hom A.R. 2020. *International Relations and the Problem of Time*. Oxford: Oxford University Press. 297 p. DOI: 10.1093/oso/9780198850014.001.0001.

Hutchings K. 2008. *Time and World Politics: Thinking the Present*. Manchester: Manchester University Press. 208 p. DOI: 10.7228/manchester/9780719073021.001.0001.

Hutchings K. 2018. Time and the Study of World Politics. *Millennium: Journal of International Studies*. 46(3). P. 253–258. DOI: 10.1177/0305829818771343.

Jervis R. 1989. *The Meaning of the Nuclear Revolution: Statecraft and the Prospect of Armageddon*. Ithaca: Cornell University Press. 272 p.

Kahn H. 1960. *On Thermonuclear War*. Princeton: Princeton University Press. 688 p.

Kahn H. 1965. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York: Frederick Praeger. 308 p.

Kaspe S.I. 2021. Life, Death, and the State. *Russia in Global Affairs*. 19(3). P. 174–204. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-174-204.

Kneupper F.C. 2016. *The Empire at the End of Time: Identity and Reform in Late Medieval German Prophecy*. Oxford: Oxford University Press. 280 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190279363.001.0001.

Koselleck R. 2004. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. NY: Colombia University Press. 344 p.

Latour B. 2017. *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press. 300 p.

Lake D.A. 2009. *Hierarchy in International Relations*. Ithaca and London: Cornell University Press. 248 p.

Lieber K.A., Press D.G. 2017. The New Era of Counterforce: Technological Change and the Future of Nuclear Deterrence. *International Security*. 41(4). P. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.

Lieber K.A., Press D.G. 2020. *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age*. Ithaca, London: Cornell University Press. 180 p.

Mandelbaum M. 1981. *The Nuclear Revolution International Politics before and after Hiroshima*. Cambridge: Cambridge University Press. 283 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572845.

Morgenthau H.J. 1964. The Four Paradoxes of Nuclear Strategy. *American Political Science Review*. 58(1). P. 23–35. DOI: 10.2307/1952752.

Nye J.S. 1988. *Nuclear Ethics*. New York. Free Press. 168 p.

Ord T. 2020. *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York. Hachette Books. 480 p.

Reus-Smit C. 1999. *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.

Ritchie N. 2013. Valuing and Devaluing Nuclear Weapons. *Contemporary Security Policy*. 34(1). P. 146–173. DOI: 10.1080/13523260.2013.771040.

Robock A., Oman L. and Stenchikov G. L. 2007. Nuclear Winter Revisited with a Modern Climate Model and Current Nuclear Arsenals: Still Catastrophic Consequences. *Journal of Geophysical Research*. 112(D13). DOI: 10.1029/2006JD008235.

Ruzicka J. 2019. The Next Great Hope: The Humanitarian Approach to Nuclear Weapons. *Journal of International Political Theory*. 15(3). P. 386–400. DOI: 10.1177/1755088218785922.

Schell J. 1982. *The Fate of the Earth*. New York: Alfred A. Knopf. 244 p.

Schell J. 2004. The Abolition. Schell J. *The Jonathan Schell Reader: On the United States at War, the Long Crisis of the American Republic, and the Fate of the Earth*. New York. Nation Books. P. 143–172.

Scouras J. 2019. Nuclear War as a Global Catastrophic Risk. *Journal of Benefit-Cost Analysis*. 10(2). P. 274–295. DOI:10.1017/bca.2019.16.

Shoemaker S.J. 2018. *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 272 p.

Tannenwald N. 2007. *The Nuclear Taboo: The United States and the Non-Use of Nuclear Weapons Since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press. 472 p. DOI: 10.1017/CBO9780511491726.

Tannenwald N. 2018. How Strong Is the Nuclear Taboo Today? *The Washington Quarterly*. 41(3). P. 89–109. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1520553.

Teschke B. 2003. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London. New York. Verso Books. 312 p.

Uchaev Ye.I. 2021. The Anthropocene Consensus: Transforming international politics in the age of global existential threats. *Russia in Global Affairs*. 19(3). P. 206–227. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-206-227.

Van Munster R. 2021. The Nuclear Origins of the Anthropocene. Chandler D., Muller F. and Rothe D. (eds) *International Relations in the Anthropocene: New Agendas, New Agencies and New Approaches*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. P. 59–75. DOI: 10.1007/978-3-030-53014-3_4.

Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, Massachusetts. Addison-Wesley Publishing Company. 251 p.

Waltz K.N. 1990. Nuclear Myths and Political Realities. *American Political Science Review*. 84(3). P. 730–745. DOI: 10.2307/1962764.

Wendt A. 1995. Constructing International Politics. *International Security*. 20(1). P. 71–81. DOI: 10.2307/2539217.

Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 432 p. DOI: 10.1017/CBO9780511612183.

Wendt A. 2003. Why a World State is Inevitable. *European Journal of International Relations*. 9(4). P. 491–542. DOI: 10.1177/135406610394001.

Xia L., Robock A., Scherrer K. et al. 2022. Global Food Insecurity and Famine from Reduced Crop, Marine Fishery and Livestock Production due to Climate Disruption from Nuclear War Soot Injection. *Nature Food*. 3(8). P. 586–596. DOI: 10.1038/s43016-022-00573-0.

Arbatov A.G. 2021. Desiat' aporii nashego vremeni. Teoriia i praktika iadernogo sderzhivaniia [The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies]. №4. P. 88–111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08. (In Russian).

Bogdanov K.V. 2022. Signal'nyi komponent v strategiiakh ogranichenogo primeneniia iadernogo oruzhiia [The Signal Component in Strategies of Limited Nuclear Employment]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations]. 66(5). P. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-5-13. (In Russian).

Downing T. 2020. 1983-i. *Mir na grani* [1983. The World at the Brink]. Moscow: ROSSPEN; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina. 336 p. (In Russian).

Douglas M. 2020. *Kak myslit instituty* [How Institutions Think]. Moscow: Elementarnye formy. 250 p. (In Russian).

Fenenko A.V. 2018. «Dolgi mir» i iadernoe oruzhie [‘Long Peace’ and Nuclear Weapons]. *Rossia v global'noi politike*. 16(6). P. 99-123. (In Russian).

Ferro M. 2010. *Kak rasskazyvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira* [Comment on raconte l'Histoire aux enfants: À travers le monde entier]. Moscow: Knizhnyi klub 36.6. 480 p. (In Russian).

Foucault M. 2011. *Bezopasnost', territorii, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu* [Sécurité, Territoire, Population: Cours au Collège de France (1977-1978)]. Saint Petersburg. Nauka. 544 p. (In Russian).

Kaspe S.I. 2008. *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaia politicheskaiia forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Authority and Western Political Form]. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani. 320 p. (In Russian).

Makhukova A.V. 2016. Gumanitarnaia initsiativa: kriticheskaiia massa antiiadernykh aktivistov [Humanitarian Initiative: A Critical Mass of Anti-Nuclear Activists]. *Indeks bezopasnosti* [Security Index]. 22(1). P. 107-120. (In Russian).

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. 2021. Sovremennyi mirovoi poriadok: strukturnye realii i sopernichestvo velikikh derzhav [The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies]. №3. P. 57-76. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05. (In Russian).

Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashnyi A. 2021. Gegemoniia i mirovoi poriadok: obzor kontseptsii «slozhnoi gegemonii» [Hegemony and World Order: An Overview of the Concept “Hegemony as Complexity”]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [International Organizations Research Journal]. 16(1). P. 172–183. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09. (In Russian).

Skinner Q. 2018. *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli: v 2 t. T. 2: Epokha Reformatsii* [The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation]. Moscow: ID «Delo» RANEPa. 568 p. (In Russian).

Tuzmukhamedov B.R. 2021. Pravovaia skorlupa dlia bez'iadernoi illiuzii [A Legal Shell for a Nuclear-Free Illusion]. *Rossia v global'noi politike*. 19(2). P. 120-130. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130. (In Russian).

Uchaev Ye.I., Kharkevich M.V. 2023. Nemyslimost' total'noi katastrofy: postapokalipticheskaiia priroda modernogo politicheskogo realizma [Unthinkable Doomsday: Postapocalyptic Nature of Modern Political Realism]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* [Politeia – Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics]. №1. (In Print). (In Russian).

Van Creveld M. 2019. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium. 544 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арбатов А.Г. 2021. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 88-111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08.

Богданов К.В. 2022. Сигнальный компонент в стратегиях ограниченного применения ядерного оружия. *Мировая экономика и международные отношения*. 66(5). С. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-5-13.

Ван Кревельд М. 2019. *Расцвет и упадок государства*. Москва, Челябинск: ИРИСЭН, Социум. 544 с.

Даунинг Т. 2020. *1983-й. Мир на грани*. Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина. 336 с.

Дуглас М. 2020. *Как мыслят институты*. Москва: Элементарные формы. 250 с.

Каспэ С.И. 2008. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. Москва: Московская школа политических исследований. 320 с.

Махукова А.В. 2016. Гуманитарная инициатива: критическая масса антиядерных активистов. *Индекс безопасности*. 22(1). С. 107-120.

Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. 2021. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии». *Вестник международных организаций*. 16(1). С. 172-183. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09.

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. 2021. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав. *Полис. Политические исследования*. №3. С. 57-76. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05.

Скиннер К. 2018. *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации*. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС. 568 с.

Тузмухамедов Б.Р. 2021. Правовая скорлупа для безъядерной иллюзии. *Россия в глобальной политике*. 19(2). С. 120-130. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130.

Учаев Е.И., Харкевич М.В. 2023. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа современного политического реализма. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. №1. (В печати).

Фененко А.В. 2018. «Долгий мир» и ядерное оружие. *Россия в глобальной политике*. 16(6). С. 99-123.

Ферро М. 2010. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Книжный клуб 36.6. 480 с.